

1. Парижанка

Наша старенькая зелёная «Нива» резво мчалась по дороге республиканского значения МК-1 вглубь Барабы. Навстречу летели столбы, машины да белые кирпичики разграничительных линий. Ещё мелькали один за другим дозорные посты ДПС.

В салоне машины сидело пятеро. За рулём – будущий юрист, лысеющий рано Игорь. Справа от него – с седеющей бородой известный археолог Сергей Колонцов, инициатор воссоздания бревенчатого Умревинского острога на Оби, а сзади – я, с теодолитом на коленях, сдавленный по бокам мощным историком Саней и крупным телеоператором одного из каналов сибирской столицы Лёхой.

На наши головы то и дело внезапно валились спальники из нагруженного до предела багажника.

Путь наш лежал на Верх-Тарское месторождение нефти. Нефтяники заключили договор с археологами, чтобы те определились на участках будущих карьеров для дорожников, есть ли там что-нибудь стоящее для будущего из наследия прошлого.

От Барабинска свернули на север и за Куйбышевым выскочили на отличную, но крайне пустынную трассу. За все 116 километров до Северного нам не попало ни одной встречной машины. От Биазы мы повернули вправо и, наконец, достигли

красивого моста через реку Тару. «Лучшего места для стоянки с ночёвкой нам не найти, – воскликнул Лёха. – Ты помнишь, Сергей, как шесть лет назад мы делали здесь раскоп и к нам приходила Парижанка?»

О Парижанке мы узнали у костра, когда на берегу была поставлена палатка и сделана попытка забросить сеть. «Рыбы здесь нет, – обронили нам с моста свои реплики два проезжавших мимо конных пастуха. – Одни щуки, а они в вашу сеть не пойдут».

У костра Лёха ударился в свои воспоминания. «Мост ещё строился, когда однажды вечером к нашей палатке из Бергуля подошли три деревенских девушки. Они достали крашеные яйца и предложили нам похристосоваться. Дело было на Пасху. Конечно, не Христос, а женское любопытство, привело этих девушек к нам. Так вот, одна из них, белокурая, резко отличалась от своих подруг каким-то парижским шармом, за что я и прозвал её Парижанкой».

Донельзя взволнованный Лёхиным рассказом, историк Саня, недавно ставший молодожёном, схватился за сотовый телефон, чтобы позвонить своей ненаглядной. «Брось, Саня! Здесь нет ещё сотовой связи, – стали успокаивать его Лёха с Игорем. – Хотя в этом году обещали сделать».

Когда уже речь зашла о девушках, я презентовал археологам свою книжку юношеских стихов «Я был певцом любви», в которой доминировали два слова: любовь и костёр. А что ещё нужно было братству искателей в эту тёплую июньскую ночь под голубыми звёздами?

2. Зуб мамонта

Первое, что слышишь, просыпаясь, это комариный звон за пологом палатки. Хочешь не хочешь, а надо выползть из спальников наружу. Накупавшись в красноватой Таре и

позавтракав разогретой гречневой кашей, мы увидели двух рыжих лаек, крутившихся возле моста и нашей машины. За охрану важных объектов мы угостили собак остатками каши. Загрузившись в «Ниву», поехали дальше на нефтяную площадку. Слева, по пути, заметили на лесной поляне пустой бар «У Егорыча». Для кого он предназначен в лесной глухомани, было неясно. Расчёт предпринимателя, изгнанного с нефтяной площадки, на геологов довольно туманен. Сейчас они где-то далеко, в тайге и болотах. А их труд – горящий факел газа и нефтяная вышка – вот они, на глазах. Плакат с названием «Сиданко» символизирует прогресс в этих богом забытых местах.

А вот и карьер дорожников. Он уже разрабатывается, и нам здесь делать нечего. Сергей профессионально обежал карьер и притащил охапку костей. Из останков мамонтов и бизонов он отобрал себе для науки окаменевший зуб мамонта, и мы вернулись к первой неисследованной площадке у свёртка в село Ичкала. Но оказалось, легче найти зуб мамонта, чем самую намеченную площадку.

Колонцов достал из полевой сумки план строительных изысканий с контуром карьера. Довольно странный план. Нет на нём даже контуров ситуации, показана одна граница да ещё знаки реперов. А попробуй-ка найди их в лесу, эти условные точки. Правда, рукой инженера-дорожника карандашом была нанесена дорога по самой границе карьера. Вот от неё то мы и начали разбивку сорока двух разведочных шурфов. Ребята взялись за дело, а я, пройдясь по дороге, неожиданно заметил затёс топором на осине. Заинтересованный этим затёсом, я подошёл к дереву и увидел рядом пенёк нужного нам репера, от которого необходима была разбивка шурфов. Встав над ним с теодолитом, я понял, что копаем мы за границей отведённого участка, а реальная дорога была намного дальше от

нарисованной инженером. Срочно исправляем допущенную ошибку, с горечью покидая начатые раскопы. Лопаты в руки и – всё сначала. Жара, комары и оводы, плюс окаменевшая земля отнимают все силы. У Сергея зелёный маскировочный костюм на широкой спине побелел от соли пота. Спасали минералка да невиданное упорство археологов. К вечеру половина шурфов была кончена. Ночевать мы вернулись к Таре, к нашим бродячим собакам.

3. Бегунок

Наутро по пути на раскопы заехали в село Бергуль за водой. Меня поразила убогость домов с прогнившими крышами. Хотя школа, где учительствовал Павел Бажов, была в приличном состоянии. А вот чаша космической антенны – как прорыв из убогости в неизбежное будущее. В огороде, напротив колодца, какая-то белокурая женщина окучивала картошку. Возле неё крутился пацан, лет пяти. Не твоя «Парижанка»? – смеясь, спросили мы у Лёхи. Но тот, закрыв глаза, ничего не ответил.

Покончив с шурфами, все облегчённо вздохнули. Можно и о доме подумать. Но не тут-то было. Машина не хотела заводиться. Игорь чесал свою лысину, не зная, что делать. «Нива» принадлежала другому лицу. Он был ей не хозяин. Проезжавший мимо водитель КамАЗа пообещал на обратном пути взять нас на прицеп. Обещание через час было выполнено. Я, Лёха и Сергей залезли в кабину КамАЗа, а Саня с Игорем остались в «Ниве». «Что они стёкла не закрывают, ведь сзади такая пыль», – удивился водитель. «Для сигнала», – пояснил Сергей. «Да, дорога, – вздохнул шофёр, – сколько в неё денег вбухали, и главное – покрытие интересное. Иностранная машина простую землю смешивала с цементом, этим и покрывали. На десять метров – десять мешков цемента. Вот так

и пылим деньгами. Видите, слева АБЗ нефтяников? А ведь не работает. Для чего строили, непонятно».

В Северном он подтянул нас к местному «костоправу». Пока тот с Игорем искал неисправность в машине, мы подсадились на скамеечку к соседу мастерового. «А ведь я вас видел по телевизору в «Неизвестной Сибири», – обратился тот к Сергею. – «Было дело. Ну а вы-то, как живёте?» – «Как живём? Пьём, гуляем. А что делать? Производство развалилось, ничего нет. Даже мастерской по ремонту машин, а машин много. Местные едут на север вахтовиками. Возвращаются они с большими деньгами. Мы их «оленьями» зовём. Покупают машины. Потом напиваются вдрызг и разбивают их. Снова едут, если только живы останутся. Ну а нас выручает клюква, огород и подворье. Я вот держу двадцать коров».

Наконец, наша машина затарахтела. Всё дело было в расплавившемся бегунке. Купив у частника новый бегунок и заменив им старый, мы наконец-то оставили Северное с его нелёгкими проблемами.

Всё начинается с дороги, ею всё и кончается.

